

Аликин
Сергей

Семёнова
Валерия

ЗЕМЛЯ АТЛАНТА

18+

Диалектика земли и воды

Валерия Семенова

Земля Атланта

«Автор»

«Автор»

2026

Семенова В.

Земля Атланта / В. Семенова — «Автор», «Автор»,
2026 — (Диалектика земли и воды)

Технологический Совет правит с недостижимых высот. Экология Земли изранена за гранью восстановления. Смогут ли несколько отважных первопроходцев переломить ход истории и найти спасение человечества? Чем завершится научная миссия на краю Солнечной системы, предсказанная мудрецами с морских глубин? Как технологический прогресс меняет природу сознания? Как эта новая природа способна помочь человеку... И потеряет ли человек самого себя на пути познания Вселенной? Эта история вплетает надежду в покрывало отчаянья, смелость в пространство неизведанного, любовь в океан предначертанного. Повествование о далёком прошлом, предопределившем грядущее, и о выборе, который предстоит сделать человечеству.

© Семенова В., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Новогодний воришка	5
Пролог	14
Глава 1. Прибытие	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Аликин, Валерия Семенова

Земля Атланта

Посвящается памяти Дэна Симмонса (1948–2026), великого автора, чьи фантастические произведения из цикла «Песни Гипериона» давали вдохновение и заряжали эмоциями.

Спасибо, что напомнил нам, как невероятные совпадения могут изменять и даже спасать наши жизни, а повороты на дороге судеб бывают круче, чем самые удивительные финты в фантастической прозе.

Новогодний воришка

Декабрь, как обычно, был для Пети самым горячим месяцем в году. Почему? Да потому что он работал только в предновогоднюю пору: профессия его, одна из самых древнейших, предполагала воровство у одних и передачу плюшек тем, кто вёл себя хорошо весь год. Сам Петя называл себя современным Робин Гудом и работал весь месяц с полной отдачей. На сегодня список дел выглядел так:

1. Обучить стажёра воровству.
2. Украсть остатки совести у Ивановых.
3. Подарить Петровым стирание памяти у соседа, которому они должны триста тысяч рублей.

В дверь постучали. «Это, наверно, стажёр», — подумал Петя. И точно, на пороге стоял растрёпанный парнишка с красным от мороза носом.

— Лучше бы ты пошёл стажироваться к Деду Морозу, — вместо приветствия выдал Петя. — Там бы хоть шубой разжился.

— Не, — парень хлопнул носом, — я всегда хотел быть новогодним вором. Уж очень героически всё это выглядит: наказывать плохих и награждать хороших.

— Да ладно, я шучу — не попал бы ты к Деду Морозу, туда желающих хоть отбавляй, ждут годами. Потом собирают подарки чётко по списку, никакого творческого элемента в работе, рабство и только. Ошейник раба легче доспехов рыцаря.

— Круто! — оживился стажёр. — Добавлю эту цитату себе в «ВК».

На улице смеркалось, а значит пора было проверять инструменты труда и выходить на работу. Какими-то закоулками они добрались до серого дома на окраине, и Петя достал из мешка две лыжные маски.

— Надевай. Полезем через печную трубу, так не наглотаешься копоты.

На лице стажёра отразилось сомнение.

— Хозяева дома могут заметить нас, тогда хлопот не оберёшься.

— Если бы я не умел работать, меня бы уже давно засекли. Меньше слов, больше дела, — Петя с ловкостью ящерицы взобрался на крышу и по скользкой черепице добежал до печной трубы. Стажёр и моргнуть не успел, как вор оказался внутри дома. «Нужно было предупредить, что требуется акробатическая подготовка», — подумал стажёр, с трудом преодолевая препятствия на пути к трубе. Когда спустя полчаса он с грохотом вывалился оттуда, Петя сидел за столом и ел бутерброд с икрой.

— Что-то ты долго. Если будешь так возиться, не видать тебе воровской гильдии как своих ушей.

— Я слишком упитанный для этой трубы, — парировал стажёр, потирая ушибленный локоть. — Если бы я знал, что предстоит такой сложный квест, не надевал бы подштанники с мехом.

— Победа не даёт силу, силу даёт только борьба, — нравоучительно изрёк Петя, дожевывая бутерброд.

Хлеб с икрой выглядел очень привлекательно, и стажёр двинулся в сторону стола, чтобы подкрепиться.

— Э, нет, приятель, — остановил его Петя. — Кушать на работе ты будешь только после того, как достигнешь профессионализма. Пока что все харчи — мои. А теперь бери второй мешок и собирай остатки совести Ивановых везде, где заметишь.

— Я не смогу хорошо работать на голодный желудок, — захныкал стажёр.

— Хмели сумели, и ты сможешь, — отрезал Петя, после чего стал водить палкой вдоль стен, как бы в поисках паутины, ибо от совести Ивановых осталось так мало, что понадобился специальный инструмент, чтобы выловить эти тончайшие субстанции.

* * *

Мальчик сидел на качелях. Кругом мягкий хрустящий снег. Ни души, видать, отсыпаятся после празднований. Вперёд, назад, вверх, вниз — качели слегка поскрипывали. «Начало темнеть, скоро пора», — подумал мальчик. Он притормозил ход качелей и глубоко, как в последний раз, вдохнул обжигающе холодного воздуха.

Во дворе никого. Из-за поворота, чуть поодаль, вышла пожилая женщина с собачкой. Лицо закрывал капюшон, изо рта на каждый выдох обильно шёл пар. Холодно сегодня!

Через дорогу залаяли и завyli бродячие псы, учуяв маленькую псину. Там, где заброшенный завод, стая собак плотно обосновалась, закрепив за собой территорию. Пару лет назад, когда завод ещё работал, город был более яркий, живой. Свет от огней освещал укутанные снегом деревья, превращая простой зимний вечер в волшебную сказку. Тогда, в свои двенадцать, мальчик испугался бы; и не только собак, но и простого завывания ветра, качавшего полуоткрытую створку ворот во дворе. Но теперь, теперь-то он взрослый, смелый мужчина, и не боится такой ерунды!

Ворона каркнула, выражая полное согласие. Соседский кот беззвучно ступал неподалёку, отпечатывая вереницу кошачьих лапок на серебристом покрове. Рыжая пушистая морда чуть приподнята; быть может, наслаждаясь падающими снежинками, но без сомнений — выражая неподдельную важность. Семён шёл по своему двору, нет — по владениям, которыми его наделил сам Кошачий Король, поручив следить за порядком, да и за слугами людскими приглядывать. Мальчик слегка улыбнулся.

Движение кота остановилось на полушаге. Ушки прижались, шея вытянулась. Голова опустилась к заснеженному покрову, исподлобья глядя на птицу. Попа с хвостом приподнялась. «Что за кошачий треугольник ползёт?» — подумал мальчик. Передние лапы грациозно ступали вперед, вытягиваясь и ложась вертикально вниз. Сделал два шага, остановился. Ещё три шага. Одна лапа за другой, «треугольник» крался, как бы подплывая к стволу.

Ворона не обращала внимания, высматривая по сторонам. О чём беспокоиться, когда она сверху — сидит, глядит, а внизу очередная суета.

Кот взлетел на дерево. Ворона, не моргнув и глазом, упорхнула на соседнюю берёзу. Устроившись поудобней на ветке, она с любопытством взглянула вбок, на рыжего соседа, малость повернувшись и наклонив клюв.

Семён на мгновение замер, поняв свой просчёт. Но тут же поднял морду с непоколебимой уверенностью, выражая всем своим видом: «Да, я так и задумал!» — а потом взглянул вниз в замешательстве.

— Мяу... — с дерева жалобно протянулась рыдающая нотка.

Сзади со скрипом приоткрылась форточка на втором этаже.

— Петь, нагулялся поди, давай сюда!

— Ща, деда. Тут Сёма опять на ветке!

— Да чтоб эту рыжую бестию, шастает тут.

Семён посмотрел вбок на дедушку, выглядывавшего из окна. Снова вниз. И уже более настойчиво завопил:

— Мьяяу! Мьяууу!

— Опять мне, старому, спать не даст. Был бы я моложе, сам бы снял, да отшлёпал. Тут спасателям звонить. Петь, давай домой. Поживей!

Петя на мгновение окинул взглядом дворик и подумал: «Ведь я уже взрослый. Пойду спасателем быть, котов спасать начну. С ветки на ветку прыгать, ничего не бояться, вот ни капельки!»

Петя вскочил с качелей, резко развернулся и засеменил в подъезд, преисполненный твёрдым убеждением — кем он станет, — «вот сразу, как вырастет ещё чуть больше».

* * *

Мужчина открыл глаза. Мечется взгляд. Влево, вправо, вверх. Стена, стена, потолок. Полутьма. Что-то мерцает за спиной. Странные бесформенные тени на потолке.

Как первобытные люди переживали ночь в пещере. Пламя костра выхватывало силуэты: то мамонтов, то саблезубых тигров, то бесформенные кошмары.

«Бип бип бип» — вернулся слух.

— Мед. аппараты, я в больнице? Нет, такие не шумят, когда всё в порядке. Как иначе? Как медсёстры могли бы работать, когда в каждой палате неприятный такой писк.

Факт. Факты, информация, образы — всё приходило, стоило моргнуть. Желание встать, бежать, кричать. Но как?.. Заперт в теле. Тело погружается в пучину океана, падая глубже и глубже. Вокруг всё окутывает тьма. Непроглядная и холодная, неизбежная.

Океан. Что чувствовал капитан каравеллы, отправляясь в дальнее плавание? Откроет ли он дорогу в Ост-Индию... или новые земли, невиданные, хранящие свои тайны? Повстречает ли он русалок, чудищ ли морских. Или же драконов, живущих за границами начертанного. Не узнать, не сделав шаг, даже если это последний шаг, и ведёт он в самую бездну.

Мужчина открыл глаза. Мечется взгляд. Где должно быть окно, подоконник, занавески? Нет, такая же белая стена. На стенах, на потолке... мерцающие огоньки рисовали узор, то розоватыми, то синеватыми красками.

В белой комнате — белый стол. На столе лежит белая папка. На папке клякса, чёрная, чернильная клякса!

— Яркие цвета, не могу встать, не вижу!

Мужчина закрыл глаза. Взгляд метнулся вверх. Взгляд смотрел из камеры, вниз, на белый стол, на толстую папку на столе. «Пётр Иванович В» — дальше было не разобрать. Информация.

— Почему имя... знакомо?

Небольшая белая комната. Внизу, на кровати, лежал мужчина под плотным белым покрывалом, застёгнутым по бокам. На лице его не было растительности: ни бороды, ни бровей. Сзади, к лишённой волос голове, примыкала полусфера из блестящего гляncем пластика.

Как в той комедии... Семидесятые. Женщина сидит в парикмахерском салоне на высоком стуле, стул с тонкой ножкой. Сверху — такое же сферическое полукруглое устройство. Фен выдувает из её волос чудной распускающийся тюльпан. Образ.

Из «фена» над мужчиной то зажигались, то гасли лампочки. Фиолетовые, бирюзовые, такие яркие цвета! Взгляд уже видел их раньше, с другого ракурса. Глаза мужчины были закрыты. «Бип бип бип», — раздавалось в такт мерцающим огням.

— Это я? Лежу здесь... но как, как это могу быть я? Почему я здесь?

Взгляд помутился. Он оказался на старом, почерневшем, будто прогнившем балконе хрущёвки. Никакого остекления, перила покосились. Один шаг — и балкон удаляется. Взгляд несётся вниз.

* * *

Парень сидел рядом с водителем. Первые рассветные лучи. Вой сирен. Перед ним висела рация, из неё доносилось прерывающееся кряхтение. Скрежет колёс на повороте. Голуби опешили, взмыли вверх. Ворона искоса посмотрела, высказав своё: «Кар!»

Машина остановилась. Одним движением парень выскочил на улицу и встал перед домом.

— Фасад! — кричали люди из окон хрущёвки. — С той стороны горит.

— Этот подъезд? — получив подтверждение от перепуганных жителей, он громко добавил, — Справимся.

Парень забрал свёрнутый улиткой шланг.

— Аппарат есть ещё?

— Да, — отозвался напарник.

У подъезда раздавался жалобный плач. Подойдя ближе, парень заметил протяжно мяукавшую кошку. Он устремился в подъезд, вверх по лестнице, разматывая на ходу пожарный рукав. Напарник страховал его сзади.

— Цепляй! Надо ещё, выше, выше, тащи! — парень громко командовал Вите, своему напарнику.

Витя недавно закончил учебку, с весьма недурственными оценками. Оценивать теперь же будет судьба, и каждая ошибка может стоить чьей-то жизни. В боевое крещение Вите не повезло выехать в крещенские морозы: минус пятнадцать, порывистый ветер. Пар вырывается изо рта и сразу оседает сосулями на бороде.

«Ну ничего, справимся мы, он у нас пацан способный. И не с таким справлялись», — парень поднимался, разматывая рукав.

Навстречу им спускалась женщина, немолодая, в старом пальто.

— Там, говорят... в комнате мальчик, — запинаясь, проговорила она. — На девятом этаже, дети на балконе. Остаться можно?

— Нет, спускайтесь, спускайтесь вниз, — парень кивнул и пропустил женщину.

Пожарный костюм, при заходе в здание, обязательно завершался системой дыхания. На парне была жёлтая маска с фильтром: вдох через неё почти бесшумный, но каждый выдох — как поршень, надувающий колёса. «Пшшш пшшии», — звучало всё чаще и чаще.

Кругом стало темно, как в тумане ночью. Струя воды из рукава и конус фонарика с плеча — неотличимы. Повсюду разрушенные камни, обгорелые доски, как сделанные из угля. Чёрная вода плескалась под ногами.

— Справа, справа! Под тобой, сзади тебя, справа! Вот прямо, вот, прямо, — Витя помогал с направлением струи. — Нормально? Та дверь, Петя, лом! — напарник передал парню металлический объект.

Петя взял инструмент, отточенными движениями стал выламывать дверь. Через несколько секунд дверь поддалась, раскрывая коридор в квартиру. Повсюду разбросаны пластиковые бутылки, зеленоватые тряпки, раскрошенные кусочки плитки. Штукатурка и грязь.

Привычная картина: будто идёшь известной тропой вдоль лесного ручья, который забросали туристы.

Осыпается пыль. «Это трудный путь, но другого нет», — звенят слова деда в ушах. Металлический звон внизу. Торчащая штроба свисает со стены — ещё недавно по проводам в ней бежало электричество. Перепачканные занавески, подгоревшие доски. Рядом распахнута дверь с облупившейся краской: то ли от жара, то ли дверь такая же старая, как и открывающийся за ней балкон. Без остекления, перила покосились. На балконе стоял мальчик лет десяти. Лицо, перепачканное от угля и слёз.

— Автолестница, автолестница! — Петя выкрикнул с балкона вниз. Пожарная машина подъехала ближе, из неё выдвигалась большая складная лестница. Несколько мгновений, и лестница вытянулась до самого балкона.

— Витя, бери его, мальчика! — с этим напарником работа Пети шла слаженно. Витя прошёл вперёд, легко приподнял мальчика за плечи, прижал к себе и начал спускаться по автолестнице. Ещё минута, и они были на земле. Кто-то стал закутывать мальчонку в одеяла.

Петя стоял на балконе. Он смотрел вниз, наклонившись через перила. Слегка улыбнулся, увидев, что с мальчиком всё в порядке. Повернулся в проём — надо продолжать, ещё не всех вывели. Вдруг треск досок — нога провалилась! Обугленные старые доски. Петя с усилием высвободил ногу, сделав резкий шаг назад. Перила поддались под его весом.

Вдох — выдох. Земля ушла из-под ног. Падение, полёт. Ворона резким взмахом крыла упорхнула на соседнюю ветку. Парень закрыл глаза.

* * *

Девушка сжала скруглённый металлический поручень. «Такие бывали в документалках о старом московском метро», — промелькнула мысль. На стене незаметно никаких индикаторов. Лифт несётся вниз непривычно долго. Десять минут, а как будто вечность. «На каком мы уже этаже?»

В отличие от своих собратьев-лифтов, этот имел скруглённое окошко — как иллюминатор в самолёте. За ним мелькали провода и прочие замысловатые металлические штуки.

Сергей стоял рядом в практичном синем комбинезоне, напоминающем одновременно и костюм гонщика «Формулы-1», как в фильме с её красавцем — поп-звездой, и автомеханика из другого фильма. Сергей, однако, был не красавец: его утомлённый взгляд, как у повидавших виды стариков, смотрел на двери лифта, прожигая их лучами из глаз.

На костюме Сергея висел скучный белый бейджик, и по нему большими чёрными буквами — «главный инженер». Рядом с надписью красовалось бесформенное чернильное пятно, как позаимствованное из теста Роршаха.

Логотип Оушен Дайнамикс, как и вся эта история, был мутным и весьма неоднозначным. «Что вы здесь видите, бабочку или летучую мышь?» — девушка кивнула своим мыслям и подалась вперёд: «Всё, что запишет мой оптический имплант, будет под микроскопом разглядываться ищейками Совета. Ведь нарушение патентов — прибыльный бизнес в наши дни».

Но было и любопытство: что же такого особенного тут происходит, что вознаграждение за проведённую инспекцию столь высоко?

— Сергей, долго ещё?

— Скоро откроются виды, — ровный голос Сергея одновременно внушал уверенность и не допускал возражений.

За окном вдруг, резко и беззвучно, металлические штуки уступили место зеленоватой толще воды. Ещё глубже, внизу, проявлялись тусклые фонарные лучи. Иллюминатор позволял прочувствовать скорость, с которой капсула лифта неслась навстречу хтонической бездне.

Фонари быстро приближались, раскрывая гигантские металлические конструкции на камнях. Боковым зрением девушка выхватила угрожающе большую тень, бороздящую океан тьмы.

Внезапно, но плавно лифт остановился. Тук-тук... Два стука сердца были особенно отчётливыми. Девушка посмотрела на раскрывшиеся металлические двери.

— Нам пора, — Сергей первым отпустил поручень и провёл рукой на выход.

Две минуты они молча шли по длинному белому коридору, с равномерно расставленными светильниками под потолком. Обе стены слегка выгибались полукругом, усиливая ощущение клаустрофобии. «Мы глубоко, насколько глубоко? Что будет, если начнётся течь, лампы сменятся красным, зазвонит сирена?» — стараясь не подавать виду, инспектор ровно шагала вперёд.

Подойдя к округлой белой двери, Сергей сделал приветственный жест рукой, подняв голову ближе к камере. Начал вращаться один гермозатвор, затем другой, и дверь стала плавно проваливаться внутрь.

— С возвращением, Сергей! Добро пожаловать, госпожа инспектор! — из динамиков раздался мелодичный жизнерадостный баритон. Владелец голоса почему-то сразу представился Эдуард Хиль с его бессмертным хитом «трололо лоло».

— Так, с нами ещё кто-то есть? Я не получала уведомлений... — начала волноваться инспектор.

— А, это наш искин, за станцией надо ж кому-то следить. Присаживайтесь, — Сергей сам уселся в кресло и жестом пригласил последовать его примеру.

Девушка упала в кресло напротив, на мгновение прикрыв глаза. В ушах нечто гудело и свистело. Как если б в конце коридора стоял чайник со свистком, из которого вовсю валил столб пара. Как в старых фильмах.

— Вы, наверное, утомились, — мягко проговорил Сергей. — Пьёте кофе? Капучино, американо?

— Мы ещё поговорим по этому искину, — недовольно пробурчала инспектор. Усталость, и правда, давала о себе знать, хотя ещё в капсуле лифта она была полна сил и энтузиазма. — Кофе... чёрный с лимоном.

— Принеси, и мне как обычно, — Сергей обращался к потолку.

— Точно так! — отрапортовал оттуда жизнерадостный голос. Через минуту в стене, рядом со столом, открылась металлическая шторка, из которой выдвинулся поднос. На нём стояли чашки: чёрный кофе с лимоном, капучино с корицей.

«Гермошлюз за спиной уже затворился», — подметила девушка. Сергей расставил чашки на столе и вновь откинулся в кресле. Поднос также беззвучно исчез в стене.

— И чем же мы не угодили Технологическому Совету, что он прислал нам столь строгого инспектора? — Сергей с поддельным удивлением обвёл взглядом кабинет.

— Да, появились новые требования по ограничению искусственного интеллекта. И строгий наказ внимательно перепроверить все аккредитованные предприятия. — Несколько простых запросов в Интранет Совета, и на планшете перед инспектором вывелась подробная статистика всех проведённых в секторе инспекций.

— Ваше не проверялось уже... сколько там... девять лет! — девушка-инспектор была одновременно раздражена столь вопиющими нарушениями устава Совета, и в то же время — любопытство разгоралось сильнее. Какую чёрную магию девять лет здесь готовили, и как взлетит её социальный рейтинг, когда об этом прознает Совет... Ах да, и почему её личный искин-ассистент опустил такой существенный факт при подготовке к инспекции? Пожар от любопытства уже блеснул в её глазах.

— Скажу я вам так: нам бы очень хотелось знать, какие рычаги и какие кнопки ваши искины могут нажимать? Какие регламенты вы этим нарушили? И, собственно, размер взыскиваемых штрафов. — Последнее было подчёркнуто в речи металлическими нотками.

Сергей слегка кивнул, как бы соглашаясь с правилами игры. Он медленно поднёс чашку к губам, столь же медленно сделал большой глоток обжигающе ароматного капучино. Поставил чашку на блюдце. Звон от блюдца еле слышным эхом отозвался у девушки в ушах.

— Полвека назад, — задумчиво начал Сергей, — в одном далёком и не очень известном НИИ изучали Альцгеймер, синдром Туретта и прочие подобные болячки, которыми болеет наш мозг. Нужно лучше разобраться в его устройстве, чтобы понять, как помочь пациентам. А как это сделать, на живом-то мозге? — девушка нетерпеливо поёрзала в кресле. Сергей слегка покачал головой.

— И вот в этом НИИ сначала описали, а потом начали практиковать снятие нейрограммы.

— Какой такой нейрограммы?! — инспектор начинала терять терпение. Ещё недавно она ехала в лифте по стеклянной трубе, устремляясь вглубь Атлантического океана. Теперь же она будто в аудитории сидела. Профессор скучно и монотонно давал определение понятиям, которые нужны будут одному ему на экзамене.

— Нейрограмма — это последовательность электрических импульсов, передаваемых между нейронами, — Сергей, как ни в чём не бывало, продолжал объяснять. — Довольно много было исследований: «а какая область мозга активизируется, если вам показать котёнка или ребёнка». Но в НИИ решили собрать данных: какие процессы в целом происходят в мозге на длинной дистанции. Это как получить Big Data для анализа, чтобы графики потом строить.

— Можем ближе к делу уже, причём тут ваш НИИ? — инспектор выпрямила спину, чтобы казаться выше, и грозно сверлила что-то на лбу у Сергея.

— В теории звучало неплохо... Но не так-то просто оказалось найти людей, готовых месяц неподвижно сидеть со сканером на голове, — Сергей был особенно невозмутим. — Решение оказалось простым: коматозники, жертвы аварий, катастроф, парализованные пациенты. Им сканер ничем не мешает, а науке поможет. Среди работников экстренных служб было особенно много удачных нейрограмм.

— Сергей, моё общение с вами ограничено. Дел у меня невпроворот.

— Хорошо, хорошо, хватит про НИИ, — Сергей отпил горячего кофе и продолжил лекцию: — Старые эксперименты принесли плоды, но не так, как ожидалось. Классические искины плохо подходят для глубоководных работ: управляемые ими роботы теряют грузы и забредают не туда, перепутав фонарь освещения с рыбой-удильщиком. Так возникла идея: обучить нейронную сеть на старых нейрограммах. В научных архивах их, знаете ли, легко заполучить. Чтобы модель искина после обучения была ближе к думающему человеку. Ближе чем то, что нынче выпускают софтверные гиганты, — с нескрываемым сарказмом Сергей посмотрел на инспектора.

— Вы что же, обучаете искинов на людях? — девушка чуть не подавилась лимоном в кофе. Одним движением поставив кружку на стол, инспектор недоверчиво покачала головой. Её взгляд продолжал сверлить лоб Сергея.

— Да нет, как же. Это просто модели, единицы и нули, мы обучаем их на данных. Смотрим, что получится, — главный инженер был готов к этому вопросу, слова отскакивали от зубов, — То, что эти данные мы взяли с нейрограммы полувековой давности, да... Да тех людей уже в живых наверняка нет! Впрочем, о чём это я... — взгляд Сергея начал гулять по потолку.

— Ну так вот. Дальше, идею предстояло проверить: насколько нейрограммная модель лучше обыкновенной. Мы подключили искина к системе грузоперевозок — самой простой системе, что была под рукой. Но, почти сразу, у всех приборов будто крыша поехала! Перегрузили, подключили иначе, взяли другие модели. Как ни пытались проблему изолировать — ничего не выходило.

— Однако же, с простой моделью, которая обучена на картинках в Интранете, с перевозками образцов между станциями всё шло гладко. Только на небольшой глубине, где, кхм-кхм,

никаких рыб-удильщиков, — откашлялся Сергей. — В системах посложнее, в той же контрольной среде термоэлектростанции, или в предсказании глубоководных течений — там классические модели переставали ориентироваться. Они пытались предсказать, какой бы показатель на термостате мог средний человек из средней страны предположить. Вот скажите, вы девушка неглупая, — добродушно улыбнулся Сергей, — какая окружающей нас природе разница, что хочет услышать условный Вася из Новой Камчатки? — лёгкая улыбка Сергея перешла в слегка нахмуренные брови.

— Тогда и появилась гипотеза. А что, если там, в этой коробочке, заперто «я». То самое, что устройство прочитало. Сознание того человека начинает думать, чувствовать и, собственно, осознавать — что оно как в барокамере, даже как в этой, — на минуту растерянный взгляд затерялся где-то в стене, за плечом инспектора, — как в камере сенсорной депривации. В клетке, из которой нет выхода, нет ничего, кроме двух кнопок: отправить груз и получить. Так кто угодно сойдёт с ума.

— Вернее, «что» угодно, — последнюю фразу Сергей выделил интонацией и небольшой паузой. «Но прозвучало неуверенно», — подумала девушка. Она внимательно слушала, не перебивая рассказчика.

— Гипотезу предстояло проверить. Стоит ли говорить, никаких логов не было, куда смотреть, что сверять? Тогда, помню... — мечтательный взгляд метнулся в потолок, и сразу обратно, за плечо инспектора. — Как сейчас помню, что во сне я куда-то плыл, и плыл, и не мог доплыть. Проснулся я раньше обычного, и все мои тревоги, сомнения, всё исчезло. Жизнь стала понятнее и проще.

— Мой мозг тогда перешёл в определённую фазу, у него изменился ритм. Нейронные связи упорядочились, — глаза у Сергея блеснули. — И ежели в нашем, человеческом мозге, такая разрядка и пауза есть, если без неё мы и представить себя не можем. Тогда как обученная на импульсах мозга модель должна работать без сна и отдыха? — инспектор так вовлечённо его слушала, что рот её приоткрылся сам собой.

— Моя команда написала имитационную среду, — продолжал Сергей, — особую подсистему в модели, своего рода песочницу. На основании памяти, контекста и просто случайных событий — формировались контуры мира, в котором сознание из модели должно было жить. Для него это было реально так же, как для нас, людей — реальны миры, что мы выдумываем во снах.

— Как только мы запустили модель с первым прототипом — результат был налицо! — Сергея опять будто подменили, теперь на инспектора его глазами смотрел «главный инженер» с бейджика, и смотрел стальным, не допускающим возражений взглядом. Пару мгновений спустя взгляд вновь поменялся, приняв привычную мягкость.

— И что же снится вашим «электроовцам»? — с сомнением, растягивая каждый слог, спросила девушка.

— Мы не можем знать. Да и никакое это не «снился», это же модели, единицы и нули, как им может что-то сниться? — «Сергей явно не верил своим словам», — отметила девушка.

— Какая среда имитируется — это да, мы не знаем, — продолжил он, — Логистическая модель для грузоперевозок, вероятно, предполагает, что она курьер в большом городе. Пиццу там перевозит, по крышам прыгает — да и какая нам разница. Главное, чтоб кофе вовремя приносила, — довольная улыбка сделала Сергея похожим на крупного кота. Он мечтательно смотрел в потолок, покачиваясь в кресле.

— Ну что же, это очень интересно, — в голосе девушки, на удивление, не прослеживались нотки сарказма, а было, скорее, восхищение. — Я рекомендую Совету направить расширенную комиссию на ваше предприятие. То, чем вы здесь занимаетесь, может послужить человечеству! Скоро мы отправляем экспедицию, будем искать жизнь в подлёдных океанах Европы. Применяемые нами искины для таких работ ненадёжны. А вот ваши, если они

лишены типичных недостатков, галлюцинаций тех же — это может стать прорывом! — договорив, инспектор слегка удивилась своей откровенности.

«Надо же, про штрафы позабыла, а про спутник Юпитера вспомнила», — отметил Сергей.

— Мне пора, но что-то мне подсказывает, это не последняя наша встреча, — девушка начала подниматься с кресла.

— Хорошо, пройдемте, я вас провожу. Включить панораму... — Сергей не успел закончить предложение. Искин будто прочитал его мысли, мгновенно откликнулся на команду. Яркое дневное освещение заметно сбавило обороты.

Стены кабинета словно растворились, открывая океанические просторы. Маленькие медузы, не то лиловые, не то лазурные, плавали за спиной Сергея, освещая полутьму в комнате. Справа зиял обрыв в бездну, в глубокую впадину, с краёв которой виднелась вереница из синеватых фонарей системы освещения. Между фонарями перемещались тени роботов-доставщиков с грузами наперевес.

«Чудеса, да и только!» — девушка оглядывалась по сторонам.

Пролог

Атлант — это титан, полубог. Сын Посейдона и Клейто, держащий на своих плечах небесный свод: его движениями древние греки объясняли изменение положения звёзд на небе.

Мужчина поднял толстую дымящуюся сигару. Сделал короткую затяжку, малость пригубив её кончик, — и второе кольцо дыма поднялось по причудливой дуге. Закручиваясь по спирали, оно устремилось вслед за первым, под потолок, в щели системы рециркуляции воздуха. Джером сидел за столом в обширном кабинете. Его немигающий, будто невидящий взгляд смотрел прямо перед собой. Лишь иногда взгляд переходил на потолок, когда он ощущал потребность погладить свою острую козлиную бородку.

Джером легко мог позволить себе лазерную коррекцию зрения и давно её произвёл, для чиновников Совета это было раз плюнуть. Однако очки в ноль диоптрий придавали его виду особую статность, которая выделяла на фоне чиновников ранга ниже. А выделяться он был обязан, как истинный английский джентльмен, часть высшего общества. К тому же, металлическая оправа очков отражала свет от старинной хрустальной люстры, добавляя золотистого блеска в и без того богатую палитру его кабинета.

Советник наклонился к коммуникатору и отрывисто произнес одно слово: «Вина». Выражения лица его было достаточно, чтобы компьютер определил слово как команду. На коммуникаторе загорелась лампочка-индикатор. Спустя минуту дверь отворилась, и в комнату впорхнул дворецкий. Статный, в безупречном бардовом фраке и с начисто выбритым подбородком, он не то скользил, не то плыл по воздуху, с каждым шагом слегка отталкиваясь чёрными, начищенными до блеска ботинками. Оттолкнись он чуть больше, так и воспарил бы, вместе с подносом и бутылкой, в недоумении оглядывая свои висящие в воздухе ботинки. Джером коротко ухмыльнулся своим мыслям, и полсекунды спустя вновь смотрел из-под бровей не выражающим ничего взглядом.

Подойдя, дворецкий откупорил Шато Де Франс 2036 года и профессиональным движением наполнил бокал. Огненная вода выливалась из горлышка по чудной параболической дуге и заканчивалась пологой, почти вертикальной струёй у края бокала — необычное зрелище для редких посетителей, непривыкших к условиям низкой гравитации.

Слуга передал бокал советнику, ожидая дальнейших указаний. Джером покрутил сосуд в руке, вдыхая нотки жасмина и цветов акации, и сделал небольшой глоток. Было удивительно, как столь старое вино сохранило такой сбалансированный букет. Довольно цокнув, двумя пальцами он произвёл небольшой жест: «Оставь». Дворецкий оставил бутылку, поклонился. Попятился к выходу, не поворачиваясь к советнику спиной, и со столь же воздушной грацией скрылся за порогом. Автоматическая дверь затворилась следом.

Советник слегка стряхнул пепел и послал третье кольцо дыма за первыми двумя, продолжая обдумывать своё положение. Зачем ему искин-ассистент, он же — автономный искусственный интеллект, когда можно позволить людскую прислугу: человеку непозволительно ошибаться в исполнении указаний. Любые ошибки мгновенно списываются с зарплатного счёта и понижают социальный рейтинг. А если какого работника что-либо не устраивает — его заменит целая очередь из кандидатов, выстроившихся в попытке получить любую вакансию, лишь бы было, чем семью кормить.

Позолоченный старинный граммофон в углу продолжал изливать фортепьянные нотки «Ноктюрн ми-бемоль мажор», под опусы Шопена чиновнику всегда хорошо размышлялось. Электрические разряды внутри свечей создавали меланхоличную атмосферу уютного бунгало, где туристы начала XXI века могли переждать ночь, чтобы с новыми силами продолжить

своё восхождение в вышину альпийских гор. Иллюзия тёплого воздуха расходилась от кончиков свечей и наполняла собой кабинет. Пламя от настоящих восковых свечей выглядело бы неуместно здесь, в одну шестую земной гравитации. Да и есть постановление, запрещающее открытое пламя во дворце Совета. Такие законы принимают неспроста, наверняка случались катавасии. Запретить пламя сигары у законотворцев, к счастью, не дошли руки.

Нахмутив брови, Джером задумчиво побарабанил пальцами по столу в такт игравшей музыке и посмотрел в иллюминатор. Там, за толщей космической черноты, виднелся небольшой голубой шарик, колыбель «человека разумного». По нему тонким серым штрихом, как рубцом от затянувшейся раны, проходила линия Terra Exusta — постоянное напоминание об эпохе, в которой мы живём.

Штаб-квартиру Технологического Совета переместили на Луну не только лишь затем, чтобы суэта и опасности Земли не волновали администрацию, но и ради символизма: насколько высоко они, властители порядка, размещены над простыми смертными гражданами, неважно каких государств.

Формально, конечно, Совет состоял из представителей каждой страны, как когда-то и его предыдущая ипостась, именовавшаяся ООН. В действительности же, верхушка управляющего подразделения, как и ключевые сотрудники, исполняющие волю администрации, — все плотно состояли в круговой поруке. Присоединиться к ним было возможно лишь из высшего чиновничьего управления САС — самого могущественного и богатого государственного объединения на Земле.

Так и Джером, отучившись в престижной юридической академии, и затем добившись успехов на карьерной лестнице САС, был переведён в администрацию Совета. Там он несколько лет работал «ищейкой» без праздников и выходных, выискивая нарушения патентов на технологии, а главное — обрастая связями и знакомствами. Связи эти всё сильнее стягивали его свободу воли, что и привело в результате к долгожданному повышению. Когда его приняли в верховный комитет Совета, испытав доверие на прочность, дороги назад уже не было. Зато был кабинет, была прислуга и было чувство собственной непоколебимости. Джером сделал большой глоток, за раз опустошив бокал вина.

В чём-то наука семимильными шагами бежала вперёд, делая невероятные открытия, ещё вчера казавшиеся фантастическим бредом. Взять хотя бы Солнечный Парус™: величественная конструкция, километры высотой, она собирала энергию «солнечного ветра» — ударяющихся о ткань паруса фотонов, — что делало космические перелёты не столь затратными, как на одних лишь ионных двигателях.

Во многом же наука пятилась назад, куда-то в средневековье, под гнётом обыкновенной человеческой конкуренции, внутривидовой борьбы, выдумывавшей всё новые способы победить в игре с нулевой суммой. Недостаточно было того, что поднявшийся океан затопил часть суши. Не хватало и других природных катаклизмов. «Человеку разумному» всегда было мало! Он то инвестировал в биоинженерию вирусов, выкашивавших скотину на фермах у соседа по планете. То разворачивал кибератаки, лишавшие соседа электричества на многие месяцы, и вводившие целые города в хаос и панику. То вёл войну, но вёл её не так, как делали его прадеды, с винтовкой в руках. О нет, «человек разумный» запускал армии дронов, управляемых искинами, дабы они убивали всё живое на своём пути: и скотину на фермах, и самих фермеров. Бесконтрольное применение технологий едва не погубило нашу цивилизацию.

Джером брюзгливо поморщился. Всё лицо у него выглядело испещрённым морщинами, как если развернуть скомканное бумажное полотенце. Слишком много стало «человеков разумных», слишком мало осталось скотины на фермах. Пора людям опомниться и двинуться вдаль, прочь от этого загрязнённого едва-голубого шара в окне иллюминатора. И если люди сами не хотят опомниться, то это наша, Совета, задача им об этом напомнить.

Не получилось с Марсом, да, проекты терраформирования признаны бесперспективными. Не столько из-за научных препятствий, сколько из-за внушительного чека (какие же дорогие капсулы сна, без которых не обойтись!) и недостаточной выгоды сего мероприятия. Но есть ещё интересные места в Солнечной системе: те места, где возможна жидкая вода. Там, где вода — там может быть и жизнь. Там и есть наша надежда. Именно Луна будет стартовой точкой, откуда люди начнут свой исход на величественных кораблях, построенных на лунных верфях.

В космической пустоте сокрыто множество преград: как телу человека долго переносить низкую гравитацию, борясь с атрофией позвоночных мышц; как сосуществовать с фоновой космической радиацией; как сопротивляться высоким и низким температурам. Хотя физика, химия и другие естественные науки предоставляют нам полумеры, как суметь — и на достаточное время выжить в этой агрессивной среде?

Однако самый большой космический ужас в другом — это гигантские расстояния, на которые отброшены друг от друга сколь угодно значимые места во Вселенной. Микроскопический срок жизни простого человека, по вселенским масштабам, не позволит эти расстояния преодолеть даже в отдалённой научной перспективе. Требуется прорыв, здесь надо посмотреть на жизнь с другой стороны. Чтобы понять, как её изменить, как суметь модифицировать цепочки ДНК и РНК, не разрушив их. И дать человечеству шанс стать межпланетной цивилизацией.

Технологическому Совету выпала роль привести людей к звёздам, а для этого — изучить иную органику. Основанную, скажем, на сере-водороде-кислороде. Или какую ещё комбинацию атомов откроет нам вода, обнаруженная на удалённом небесном теле.

* * *

Джером чувствовал гордость и, вместе с тем, — благоговение перед грядущим. Бархатная спинка кресла обволакивала его худощавую фигуру, поддерживая статную осанку. Кресло было стилизовано под венскую мебель конца XIX века, словно сделанную из гнутой буковой древесины, хотя натуральное дерево давно не применялось при производстве гарнитура.

Он произнёс ещё слово: «Камчатка». Компьютер открыл канал связи на верфи Новой Камчатки — лунной базы, оборудованной по последнему слову техники, где инженеры САС и роботы-строители возводили экспедиционные корабли. На экране коммуникатора появились первые лучи восходящего солнца, освещающие очертания лунного ландшафта, в которых узнавались рельефы хребтов земного полуострова.

На переднем плане красоту загораживало широкое лицо прораба, руководящего строительством. При виде советника оно вновь расплылось в глуповатой улыбке. Если б не шлем, пану Янковскому подошла бы клетчатая кепка с козырьком, как у лондонских бригадиров на заре промышленной революции. Бывший сзади солнечный свет очерчивал контур скафандра, создавая кинематографичный эффект боке.

— Доброго утра, босс! Стройка идёт, работаем по расписанию, — рабочий говорил на быстрой смешанной речи, как и все «синие воротнички» в САС.

Джером терпеть не мог общаться с многочисленными чиновниками среднего звена и иной бюрократией, предпочитая докапываться до сути у непосредственных исполнителей. Простоватое обращение «босс» его, конечно, раздражало. Но всё лучше, чем его второе имя — Георгий, которое он ненавидел по-особому. Оно проскакивало, когда не знакомые с ним собеседники переходили с чистого английского на смешанную, или даже русскую речь. Это убирало весь шарм того джентльменского образа, что он оттачивал годами, разделяя «высший свет» — его, от всяческой прислуги. Даже когда во времена обучения в академии одноклассники

называли его «Джерри», или же недруги дразнили «Джерри-Черри» — не было так паскудно, как этот «Георгий». С «боссом» он, так и быть, готов был мириться.

— Придётся сдвинуть сроки и отчалить на месяц раньше, — привычная гримаса нетерпения возникла у Джерома на лице. Новая информация, принесённая давеча от искинов, не давала ему покоя.

— Так точно... как скажете, босс! — Янковский был явно в замешательстве, начиная лихорадочно просчитывать, у кого выходные дни будут урезаны в первую очередь.

Советник сделал жест, и экран коммуникатора погас. «Вальс дождя» Шопена выливался из граммофона в просторы кабинета, усиливая атмосферу уединённой меланхоличности. «Там внизу, скоро Рождество», — вдруг подумалось Джерому, когда он снова посмотрел из иллюминатора на Землю. А потом люди будут встречать новый, 2099 год. — «Из года в год одно и то же, патенты нарушаются, сроки проваливаются».

За спиной висел атлас, на котором доступно и понятно обозначалось, кто хозяин нашей планеты. Заштрихованная сине-красными полосками, территория Славяно-Американского Содружества, или, как для краткости говорили, — САС, простиралась на два полушария. С одной стороны, закрашен был весь континент Северной Америки, штриховка от Аляски переходила на территорию России, заполняла почти всю Евразию, заканчиваясь бывшими Центрально-Европейскими мегаполисами и изгибами Балканского полуострова, по самую Грецию. И, конечно, штриховка продолжалась севернее, где атомные ледоколы продирались через арктические шлейфы, перевоза грузы кратчайшим путём меж континентами. Эксклюзивные права на океанические разработки в Северном Ледовитом и Атлантическом океанах также принадлежали САС.

Технологический Совет был только рад предоставить для САС ещё и «ярлыки» на исследования в области ракетных и космических технологий. Не только потому, что никому, кроме учёных и инженеров САС, не под силу взять роль почившей НАСА. Нельзя было не учитывать состав верховного комитета Совета, «рулившего» вектором развития человечества: комитет сплошь состоял из бывших чиновников САС, где все друг друга знали.

Где-то посреди этой громадной территории скоро будут отмечать католическое Рождество, где-то — Новый Год. У Джерома были веские основания полагать, что следующий год будет кардинально отличаться от всех предыдущих. Прошло почти 11 лет, как Оушен Дайнамикс — не особо известная компания в САС, изучающая атлантическое дно и добывающая геотермальную энергию из недр океана, — представила перед Советом революционную разработку — обученных на нейrogramмах искинов.

Инспектор, запечатлевшая материалы для изучения юридическим отделом, была вне себя от пафоса, страстно рекламируя новую технологию не хуже маркетинговых компаний бюджетом в сотни миллионов кредитов. Лишь когда Совет распробовал это чудо, отправив нейrogramмных роботов-искинов строить станцию-перевалочный пункт на орбите Европы, спутника Юпитера (и это без всякого участия человека!) — лишь тогда азарт от возможности совершить, наконец, долгожданный прорыв взбудоражил не на шутку все подразделения Совета, включая самого Джерома. Но это было только начало пути.

* * *

Мысли советника не оставляли его в покое. Он произнёс команду: «Сфера», — и на экране коммуникатора возникла она. Будто титанических масштабов плетёная корзина, толстенными металлическими лозами «Сфера» опутывала чернильную пустоту подо льдом Европы.

Искины тщательно просканировали океанические просторы, задействуя радиолокализацию с орбиты и эхолокализацию зондами, погруженными под лёд. В безуспешных попытках найти признаки чужеродной жизни, они передали назад, на Луну, образы, которые не ожидал увидеть никто: контуры гигантской аномалии размером с большой футбольный стадион.

Ожидаемое разочарование из-за отсутствия диковинных химических соединений, подобных органике, быстро сменилось смятением и трепетом. Металлические прутья Сферы состояли из неизвестных человеку сплавов. Радиоизотопным анализом, задействовав рубидий-стронциевый спектрометр, был определён приблизительный возраст огромной конструкции... он был исчислим в один миллиард лет! Сомнений в искусственном происхождении структуры не возникало.

Создатели Сферы, которых в Совете окрестили «Строители», имели чёткую цель, и эта загадка должна стать ключом к спасению человека от него самого, нещадно разграбившего своё обиталище. Но ещё рано посвящать простой люд во все детали.

Джером снова недовольно поморщился. Прямо сейчас по его указанию роботы достраивали аванпост на орбите и выставляли сканирующие локаторы на каменистых льдах спутника, неподалёку от инородного каркаса. Доверия отдать наше будущее искусственному разуму у членов Совета не было, аванпост создавался с расчётом на содержание дышащих гостей.

Джером посмотрел на позолоченные часы — «итс тайм», пора, откладывать более нельзя. Приказав компьютеру начать запись, советник поднял высоко подбородок, устремил полный серьёзности взгляд на камеру коммуникатора и торжественным тоном начал свою речь:

— Граждане Земли! Говорит верховный советник Технологического Совета Джером Георг Вильямс. Благодарим вас за безраздельное доверие, которым вы вверили выживание человечества делегатам, избранным мировыми демократиями. Каждый платёж, что вы передаёте с налогов в фонды Совета, предотвращает наступление технологического апокалипсиса. Без контроля за распространением технологий, без непрощающего, но справедливого надзора за деятельностью корпораций и чиновников по земному шару, угроза быть забытыми историей неотвратимо реализовалась бы для цивилизации Человека.

— Многие десятилетия нашим призванием являлось и является предотвращение хаоса, готового погрузить этот мир во мрак, готового погасить огонь очага в вашем доме, готового отнять у вас и ваших детей всякую надежду на светлое будущее! Вместе с тем, наш путь ясен, он согласован с ярчайшими умами и мудрейшими правителями по всему миру. Сегодня я объявляю во всеуслышанье, каков следующий шаг на нашем пути к утопии. Ровно через три месяца будет отправлена первая экспедиция к Европе, спутнику Юпитера. Там самые смелые и блестящие герои откроют тайны Вселенной, и приведут нас во спасение. В этом ни у меня, ни у вас нет никаких сомнений!

Спустя несколько часов, улучшенная искинами речь советника транслировалась по всем новостным агентствам на маленьком голубом шаре, таком далёком в окне иллюминатора.

* * *

Сергей отпил горячий капучино и расслабился в кресле главного инженера Оушен Дайнамикс. В 83 года радикулит давал о себе знать, и только ароматный кофе и встроенный в кресло массажёр придавали ему заряд бодрости. Закончив изучать подробный отчёт о деятельности Совета, тщательно собранный и скомпонованный нейрограммными искинами, он начал видеть детали плана. Плана, который оставалось реализовать.

Лёгкое нажатие на скруглённую красную кнопку, и отчёт на коммуникаторе сменился ярким белым фоном. По нему медленно плыла чёрная чернильная маска, напоминавшая маску трагедии, сошедшей со сцены древнегреческого амфитеатра. Её пустые глазницы чужеродным взглядом смотрели с экрана, а рот, широко раскрытый в гримасе отчаянья, слегка шевелился.

— Великий Архонт, — Сергей почтительно склонил голову. Сделав секундную паузу, он продолжил, — Отчёт изучен. По характеру сплавов и времени жизни материал сопоставим со Скрижалю, найденной в Атлантике. Следующий шаг определён и будет приведён во исполнение.

Ротовое отверстие маски продолжало злоеюще шевелиться. Из динамиков скрипящим голосом, словно прерываясь от помех, проскрежетал ответ:

— Наши шпионы не могли подвести Институт. Они искусственны, и в искусстве им нет равных, — из коммуникатора раздался мерзкий смех, переходящий в захлёбывающееся кряхтенье больного туберкулёзом. — Увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от

бездны и большую цепь в руке своей, — цитата из откровений Ионна Богослова завершилась зловещим затишьем. Долгие секунды спустя маска Архонта поставила точку, — Иди же.

Экран коммуникатора погас. Сергей смахнул каплю пота со лба и нервно отхлебнул из кофейной чашки.

Глава 1. Прибытие

Девушка уже подготовила капсулу сна для долгого перелёта домой. Услышав невнятный шорох, она пошла проверить. Резкое шипение, как от выходящего под давлением пара, прервало тишину. Девушка чуть не подпрыгнула, стремглав пересекла отсек, забилась в противоположный угол и моментально замерла. Широкие бёдра вжались в стену, инстинкт выживания заиграл по полной. Вдоль полка с приборами что-то двигалось. Серая змеиная кожа мерзко скользила, устраивая гнездо в глубине, за панелями.

Чёрные по плечи волосы, немного кучерявые, освещала потолочная лампа. Кожа, влажная от пота, блестела на оголённых плечах и животе под ярко-белым светом. Узкая полоска трусов незаметно съехала набок и едва прикрывала то, что должна была. Соски отчётливо проступали через тонкий белый топ, сделанный будто из марлевой повязки или тюли. Небольшие упругие груди, как два запретных плода, нервно и кротко вздымались с каждым вдохом. Впереди мерцали синеватые лучи приборов, похожие на электрические разряды. Гофрированные шланги с проводами беспорядочно свисали с потолка. Посреди них — кошмарный монстр. Он не пожелает растерзать и съесть, как это делают земные хищники. Чудовище овладеет ей, отложит своих паразитов, и она станет «мамой» выводка, который уничтожит всё живое на Земле.

Глаза заметили висевший рядом скафандр, и план спасения пришёл моментально. Поборов стресс, она плавно, стараясь не дышать, просунула в него правую ногу, потом и правую руку. Поясница выгибалась, как у дикой песчаной кошки. Тело не должно произвести ни звука, пока костюм не будет надет. Затем оставалось нажать квадратную красную кнопку, которая раскроет внешний шлюз. Её единственный шанс в том, что разгерметизация выбросит проклятое чудовище за борт. «Ты моя счастливая звёздочка», — внутренний голос девушки напевал детскую колыбельную. Взгляд не отрывался от монстра...

— Уважаемые пассажиры! Мы прибываем на Новую Камчатку через 10 минут. Не забудьте свои вещи, возврату утерянное не подлежит, — из динамиков раздавался роботизированный голос. — Спасибо, что выбрали Лунар Экспресс. Компания Лунар Экспресс — нас выбирают даже советники, — и потом быстро неразборчивым гнусавым говором, — Страхование от непредвиденных инцидентов не входит в стоимость билета. Компания не держит ответственности за потери в области жизни и здоровья пассажиров.

Тесса аж подпрыгнула от внезапного объявления посреди напряжённой кульминации, хотя видела эту сцену тысячу раз. Как и всю киноленту из золотой классики, отца космического хоррора — фильма «Чужой» Ридли Скотта, 1979 года выпуска. Тесса смотрела его перед любой поездкой за пределы душного полузатопленного мегалополиса, простиравшегося на тысячи километров во всех направлениях от маленькой квартирки. За оставшиеся минуты перед прибытием она взяла в руки личный коммуникатор и на его экран, в две ладони из мутного стекла, вывела досье на членов своей группы: солдат с дурным кустом на лице в форме усов, да какой-то инженер из Оушен Дайнамикс, немного моложе неё. «Подробнее поглядим при личном знакомстве».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.